

В статье М. Г. Сальман «Из юношеских лет Елены Тагер (Материалы к биографии. 1895–1924)» (с. 443–483) не только описываются первые тридцать лет жизни и творчества героини, но также делается экскурс в историю петербургской-петроградской интеллигенции, приводятся ценные сведения о Стоюнинской гимназии, ее преподавателях и ученицах.

Еще один очерк выполнен в форме комментария к фразе из воспоминаний А. Е. Крученых «Наш выход», в которой упоминается «Клавдия Я-он». Скрытую за сокращением фамилию выявляет В. В. Нехотин в работе «Я-он, установленное лицо. К биографии Клавдии Яковсон» (с. 503–515). Исследователь описывает жизнь литературного секретаря Крученых, приводит единственное известное стихотворение Яковсон, публикует ее фотографию, несколько писем, портрет и автограф.

Другой материал в том же жанре — «Из Именного указателя к *Записным книжкам* Ахматовой: Круг Вячеслава Иванова — Владимир Пяст» (с. 421–435) Р. Д. Тименчика. Биография Пяста в общих чертах изучена, поэтому исследователь сосредоточен именно на его пересечениях с Ахматовой, подробно контекстуализируя каждый известный факт встреч двух поэтов или взаимных упоминаний.

Остроумная методология избрана Григорием Утгофом в «Заметках о „Подвиге“ / „Gloru“» (с. 633–652). Для объяснения «темных» мест русского текста набоковского романа ученый обращается к черновой машинописи перевода, выполненного писателем и его сыном. Машинопись, как и слой правок на ней, подсказывают некоторые ключи к тексту, которые были скрыты в итоговой версии «Gloru».

Трансформации разных редакций изучает и Рональд Вроон, опубликовавший в сборнике обширный комментарий «„Zzyyz — zhzha!..“ Textual Criticism and Textual Politics in a Poem

by Velimir Khlebnikov» (с. 485–501). Опираясь на впервые публикуемую «промежуточную» версию текста «Три года гражданской войны», текстолог показывает, как в разных версиях меняется политический заряд, закладываемый в стихотворение футуристом.

Наконец, война (но уже Вторая мировая) инспирировала сюжет библиографических заметок Бориса Равдина «И. С. Тургенев на страницах поднемецкой печати 1942–1945 гг.» (с. 873–896). Помимо списка публикаций о классике в коллаборационистских изданиях, автор составил приложение с републикацией самых показательных материалов из библиографии.

Этим не ограничивается сборник, содержащий также ряд аналитических разборов разнообразных литературных проблем,¹ однако уже предпринятый обзор показывает, что новые литературные факты, расширение эмпирического материала — лучший подарок скрупулезному историку, юбиляру Майклу Вахтелю.

¹ «By the Numbers: Notes on Analyzing Russian Verse Rhythm» Барри П. Шеппа, «Again on Bakhtin and Poetry, with a Very Long Preface on the Perfidious Cult» Кэрил Эмерсон, «Casti, Salieri, and Peter the Great: On Salieri's Heroicomic Opera „Cublai, gran kan de'Tartari“» Марио Корти, «Slaying the Dragon of Symbolism: Nikolai Gumilev's Poem of the Beginning» Эмили Вонг, «Anna Akhmatova and the Nobel Prize» Магнуса Юнггrena, «„Наше объединение свободное и добровольное“: Николай Заболоцкий в ОБЭРИУ» А. Б. Устинова и И. А. Лоцилова, «„Silentium“ О. Мандельштама: стихотворение с почему-то не замеченным ключом» О. А. Лекманова, «Pushkin as Camouflage: Pasternak's Posthumous Dialogue with Tsvetaeva in Doctor Zhivago» Алисы Д. Гиллеспи.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-276-279

© В. А. Котельников

ФРАНЦУЗСКИЙ СЛОВАРЬ ДОСТОЕВСКОГО*

Французские читатели, которым в той или иной степени известен и интересен Достоевский как писатель и мыслитель, получили хороший подарок: в нынешний год юбилея под эгидой парижского Института славянских исследований вышел из печати «Dictionnaire Dostoïevski», подготовленный крупным европейским славистом профессором Мишелем Никё.

* Dictionnaire Dostoïevski / Par M. Niqueux. Paris: Institut d'études slaves, 2021. 320 p. (CLEFS pour... № 3).

Но это подарок и для русских филологов, прежде всего специалистов в данной области: перед ними предстанет своего рода «космос» Достоевского в основных тематических узлах — предстанет таким, каким видится он сегодня французскому ученому. Нам такой взгляд весьма важен, поскольку в нем, при некотором сдвиге точки зрения в западном направлении, связываются в идейный и художественный универсум главные аспекты творчества Достоевского в соответствии с французским пониманием писателя.

Во Введении Никё поясняет цель и содержание предпринятого им труда: «С чего начать? — спрашивают часто студенты, и они, вероятно, не единственные, кто колеблется перед входом в сложную романную и интеллектуальную вселенную, которая может запугать и запутать. Руководство, следовательно, не бесполезно. Руководство, которое не заменяет чтение, но которое позволяет ориентироваться, иметь вехи, различать линии силы. Оно предлагает „новичкам“, а также тем, кто уже знаком с миром Достоевского, самую сущность, извлеченную из тысяч страниц комментариев и интерпретаций, накопленных за два столетия, и которые свидетельствуют о неисчерпаемом характере работы Достоевского, — „открытая работа“ (Умберто Эко) по преимуществу» (р. 7).

Основную часть словаря составляют статьи, которые Никё тематизирует в соответствии с проблематикой, смысловыми центрами, ключевыми понятиями в творчестве писателя; обычно они соотнесены с его мирозерцанием, духовным и нравственным опытом. В этот ряд включаются также монографические статьи о произведениях Достоевского, заметки о лицах, связанных с ним при жизни, и о тех, кто позже обратился к его наследию. В научный аппарат издания входят пристатейные библиографии, указатель имен и предметов, указатель произведений и персонажей, подробно аннотированный список иллюстраций (среди которых иллюстрации к произведениям, биографические и исторические фотоматериалы) и список словарных статей. Перекрестные ссылки позволяют читателю расширить содержание каждой статьи за счет развития ее мотивов в других статьях.

Никё, естественно, ориентировался на труды своих предшественников в этом жанре, на которые он и указывает: «Достоевский: Энциклопедия» Н. Наседкина, издание «A Dostoevskii Companion: Texts and Contexts», подготовленное К. Bowers, С. Doak, К. Holland, «A Dostoevsky Dictionary», составленный R. Chapple, словарь-справочник Г. К. Щенникова и А. А. Алексеева «Достоевский: эстетика и поэтика» и др. Продуктивно использован им значительный круг литературных и научных источников, как русских, так и западных, при этом приводимые интерпретации творчества писателя подчас поставлены в статьях в полемические отношения.

О своей книге он говорит, что это отнюдь не энциклопедия, в которой необходимы «более многочисленные, разносторонние, полные сведения, для чего требуется большой объем и большая группа исследователей. Здесь о происхождении текстов и приемах письма упоминается кратко, что достаточно», и автор отсылает к перечисленным им изданиям (р. 8). Подход Никё в данном случае представляется оправданным. Ценность его — в особом выборе тем и предметов и, конечно, в содержании их экспликаций. Разумеется, момент субъективности в таком подходе присутствует, но, когда

это делает Никё, нам зачастую дается серьезный повод задуматься над смыслом того или иного образа, эпизода, понятия в тексте.

Концептуально важна в словаре статья о понятии красоты у Достоевского («Le Beau, la beauté»). Кроме указаний на семантику понятия, его коннотации и функции в разных художественных контекстах и в различных интерпретациях, Никё рассматривает в специальном разделе статьи известное выражение «Красота спасет мир» («La beauté sauvera le monde»). «Этот афоризм, — замечает он, — несомненно, стал самой употребительной цитатой из Достоевского, толкуемой каждым в своей манере» (р. 40), из чего мы можем заключить, что «афоризм» банализировался также во французском, как и в русском обиходе.

Никё не упустил из виду тонкий и важный момент в романе: данную мысль не провозглашает сам Мышкин, она выражается другими персонажами, а для самого Достоевского красота определено относится к Христу, и «красота, которая спасет мир, это красота Христа» (р. 40), что, как мы знаем, сформулировано в подготовительных материалах к роману: «Мир станет красота Христова».¹

Момент, упомянутый Никё, ведет к большой проблеме в «Идиоте». Нужно сказать, что Мышкин не является носителем даже подобия той красоты, хотя автор и записал однажды в связи с ним: «Князь Христос». Более того, собственно христианская тема не получает развития в романе. При отсутствии соответствующих мотивов, образов и сюжетных выражений ее, есть два знаменательных диалога. На вопрос Рогожина «веруешь ли ты в Бога или нет», Мышкин *не отвечает*, а лишь говорит: «Как ты странно спрашиваешь и... глядишь!» (8, 182). Когда Ипполит задает вопрос: «Вы ревностный христианин?», Мышкин *не отвечает ничего* (8, 317). В передаче того же Ипполита, «князь утверждает, что мир спасет красота», но и это остается без ответа (8, 317), и надо полагать, что если Мышкин и говорил так, то имел в виду красоту Настасьи Филипповны, чья «красота — сила <...> с этакою красотой можно и мир перевернуть» (8, 69) — перевернуть, но не спасти. В спасении Мышкиным Настасьи Филипповны нет необходимости, оно и не происходит, и невозможно. Мышкин в действительности испытывает потребность не спасти (от чего он и отказывается наконец), а страстно любить красоту, пронзенную страданием. Поэтому он бессознательно хочет довести и Аглаю до такого страдания и полюбить в ней тот же лик страдальческой красоты, который поразил и увлек его в Настасье Филипповне. Намерение Достоевского «изобразить в волне прекрасного человека» привело к созданию героя, в котором страстная натура

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1974. Т. 11. С. 188. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

и христианский гуманизм столкнулись в неразрешимой трагической коллизии.

Мишель Никё очень внимателен к смысловым оттенкам, коннотациям и дериватам ключевых понятий, определяющих идейно-тематические структуры романов. В этой же статье он напоминает слова Тихона о «некрасивости» ставрогинского преступления и поясняет их смысл так, что грех, отталкивающий от Бога, направлен и против красоты.

Расширяя далее семантическое поле понятия, Никё верно указывает, что в «русском языке есть еще одно слово, отсылающее к воплощению божественной красоты, — „благообразие“, банально переводимое как „красота“, за неимением лучшего; оно используется Макаром или в отношении его (десять раз в «Подростке»): это красота, которая является благом (*благо*) образом (*образ*) Бога — благодать, благоговейность. <...> Противоположность — *безобразия*, уродство, беспорядок, искажение, отсутствие (*без-*) соответствия божественному образу» (р. 41). Такой морфосемантический анализ (и он не единственный в словаре) делает честь французскому слависту. Интересно, что в статье о «Подростке» жизненным прототипом Макара назван мужик Марей (изображенный по детским еще впечатлениям Достоевского в «Дневнике писателя»), а прототипическими персонажами — некрасовский Влас, Платон Катаев и старец Тихон из «Бесов».

Отдельная статья посвящена не вошедшей в журнальную публикацию романа «Бесы» главе «У Тихона» («La confession de Stavroguine»). Никё подчеркивает, что «насилие над ребенком для Достоевского есть манифестация абсолютного зла» (р. 72), при этом он справедливо отклоняет допущение Н. Н. Страхова (в известном письме к Л. Н. Толстому) и мнения следующих ему психоаналитиков, видящих «автобиографический» (т. е. внутренний, интимный) мотив, и считает мотив связанным с внешним происшествием, свидетелем которого писатель был в детстве.

О центральном эпизоде исповеди Ставрогина он пишет: «Сцена изнасилования, которая остается „за кадром“, представлена как реальный факт в „московской версии“, и как возможная дьявольская галлюцинация или как стремление к самонаказанию («необходимость креста») в „петербургской версии“» (р. 72). Здесь он верно учитывает существенную разницу между двумя «версиями»: корректурными гранками текста и незавершенным списком, сделанным А. Г. Достоевской с неизвестного источника. К изложенной им истории текста можно было бы добавить, что знаменитый критик, искусствовед, философ А. Л. Волынский, автор большого цикла статей о писателе, еще в 1902 году просил А. Г. Достоевскую разрешить ему ознакомиться с «ненапечатанной главой» романа для уяснения образа Ставрогина, и на следующий год вдова писателя прислала рукопись главы в Петербург А. А. Достоевскому, у которого Волынский, скорее всего, ее и прочитал. Как он и обещал Достоевской, ни-

каких выписок из нее он не делал, о времени прочтения нигде не упоминал, но что она все-таки была известна ему, можно заметить в его книге об авторе «Бесов».

Еще одна важная в сфере идей Достоевского проблема затрагивается в большой статье «Бог» («Dieu»).

Никё выделяет имеющий особое значение у Достоевского концепт «русский Бог», используя для разъяснения его и эпистолярные источники, и подготовительные материалы, и суждения критиков (все это он делает, впрочем, и в других статьях). Отсылая к проекту писателя «Атеизм», он передает замысел, в котором видит эволюцию намеченного писателем персонажа, приходящего к признанию «русского Бога»: сначала «герой теряет веру в Бога, проходит через разные секты, затем через иезуитов и наконец находит и Христа, и русскую землю, русского Христа и русского Бога» (р. 95).

«Этот Бог, или русский Христос, — считает Никё, — сопрягается с несколькими идеями, принадлежащими собственно Достоевскому: народ „богоносец“ <théophore>, антикатолицизм, мессианство, „укорененность в земле“ <l'engracinement dans le sol, т. е. почвенничество в терминологии Достоевского и его единомышленников. — В. К.>» (р. 95). «Кто отрезал от родной земли, отрезал от своего Бога», — приводит автор слова Мышкина. Именно с «русским Богом» связаны надежды обновить все человечество любовью, а не мечом.

По поводу фундаментального у зрелого Достоевского понятия «народ-богоносец» полезен экскурс в область средневекового религиозно-этического мирозерцания.

Данное понятие можно найти в памятнике XII века, так называемом «Elucidarium» («Светильник»)². Ориентированный на широкого читателя, он представляет собой катехизически изложенный свод главных догматических, сотериологических, социально-этических представлений средневекового христианства. «Элуцидариум» был одним из наиболее распространенных памятников популярного богословия вплоть до XV века: он разошелся в бесчисленных списках среди мирян, духовенства, монахов, был переведен на старофранцузский, провансальский, итальянский, уэльский, английский и другие языки. На основе этого памятника и ряда других подобных сочинений была создана немецкая народная книга «Lucidarius», перевод которой (часто соединявшийся с компиляциями из иных версий и источников) под названием «Луцидариус» (или «Златой бисер») получил распространение на Руси с XVI века.

Вероятный автор его — Гонорий Августодунский (Honorius Augustodunensis), о котором известно, что он жил в первой половине XII века, был, видимо, учеником Ансельма

² Lefèvre Y. L'Elucidarium et les lucidaires. Contribution, par l'histoire d'un texte, à l'histoire des croyances religieuses en France au Moyen Age. Paris, 1954.

Кентерберийского и написал сочинения «De Imagine mundi», «Clavis physicae». Подробное освещение данного памятника и взглядов его автора можно найти в работе А. Я. Гуревича.³

В «Элуцидарии» Гонорий, как и многие современные ему авторы, воспроизводит принятую тогда социологическую схему и выделяет три общественные группы: «молящиеся» (духовенство), «воины», «трудящиеся», хотя нередко дробит эти группы по более частным признакам. Но вот когда он ставит главный для себя и для читателя вопрос о спасении души, он идет гораздо дальше обычной для литературы той поры критики в адрес привилегированных сословий и дальше обычного сочувствия к сословиям низшим. Первыми и единственными, кто будет безусловно оправдан на Страшном Суде и спасен для вечного блаженства, оказываются земледельцы (*agricolae*), просто-народе (*vulgus*). Гонорий специально подчеркивает, что только они и есть подлинные «*Dei cultores*» — Божьи пахари, Божьи делатели. И по своему жизненному положению, и по своим религиозно-нравственным свойствам именно народ, несмотря на неизбежную общечеловеческую греховность, являет на себе присутствие Бога, он «*богоносец*» (*theoferus*). Соотно-

³ Гуревич А. Я. Популярное богословие и народная религиозность Средних веков // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.

ся это утверждение с учением о предопределении, Гонорий приходит к идее религиозного избранничества земледельцев. Очевидно, что представление Достоевского о русском народе, именно о «почвенной», крестьянской его массе, как народе-богоносце не может не иметь той или иной связи с указанным источником.

Критическое отношение к выразившемуся в таком представлении религиозному национализму, говорит Никё, часто находят у самого Достоевского, в его речи о Пушкине. Но автор смотрит шире и считает, что Достоевский «в конце своей жизни прославляет универсализм русских и предлагает эсхатологическую универсалистскую утопию, в которой различимы отголоски его юношеского фурьеризма. Особенность русской религиозности — это вклад универсальной ценности. Достоевский избегает национализма, делая русских образцом (потенциальным, он это знает) универсализма» (р. 95). Проясняется понятие «русского Бога» также за счет обращения к мнениям, составляющим здесь религиозно-философский контекст этой идеи в конце XIX — начале XX столетия, — мнений Вл. С. Соловьева, Д. С. Мережковского, Ф. А. Степуна, Н. А. Бердяева.

Практически все статьи «Словаря» дают весьма содержательную, при необходимости компактную, трактовку основных текстов, понятий и персон, входящих в мир Достоевского.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-279-281

© Р. Ю. Данилевский

ДОЛГИЙ РАЗГОВОР ОБ А. В. ДРУЖИНИНЕ*

Рецензируемая книга и разговор о ней — продолжение действительно долгого разговора. Надежда Борисовна Алдонина, доктор филологических наук, на сегодняшний день признана наиболее авторитетным и плодотворным исследователем жизни и творчества А. В. Дружинина (1824–1864). Свои многочисленные статьи исследовательница печатала во многих изданиях, и активно — в пушкинодомских, таких как «Некрасовский сборник» и «Русская литература». Еще более известными в последние десятилетия стали несколько ее капитальных трудов,¹ которые, в свою очередь, сопро-

вождались заинтересованными и неизменно благодарными рецензиями, несмотря на приличествующие рецензиям небольшие замечания. Наиболее подробной, богатой библиографией, цитатами и аналитическими выкладками является рецензия недавно ушедшего от нас П. В. Бекедина.² Назовем также рецензии Ю. Б. Орлицкого³ и Г. В. Зыковой.⁴

² Бекедин П. В. А. В. Дружинин в полный рост // Русская литература. 2009. № 4. С. 214–222.

³ Орлицкий Ю. Б. Н. Б. Алдонина. А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара: Издательство СГПУ, 2005. 532 с. // Литература. 2006. 14 июня. № 12.

⁴ Зыкова Г. В. Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин: Проблемы атрибуции. Самара, 2000; Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара: Изд-во СГПУ, 2005. 532 с. //

* Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин и круг «Современника»: статьи и исследования. Самара: Научно-технический центр, 2019. 640 с.

¹ Алдонина Н. Б. 1) А. В. Дружинин: Проблемы атрибуции. Самара, 2000; 2) А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара, 2005.